

Афганистан ВБЛИЗИ

Гундиган

В ДЕТСТВЕ мне довелось побывать в Волгограде, пройти по тем местам, где когда-то гремели бои. Уже тогда длился Мамаев курган энергично переполочили в нынешний надуго забетонированный мемориал, но вот, поди ж ты, под ногой на землицом склоне обнажились стреляная гильза, свидетельница дней Сталинградской битвы.

Понимаю, что несопоставим масштаб событий и политический их смысл. Но гильзы, поднятые в Афганистане на заставе Гундиган, храню сейчас рядом с той, сталинградской.

Нужно выехать из Кандагара на гератскую дорогу. Обогнуть выступ горы, к которому довольно нелепо пригнулись большие цистерны заброшенного ныне афганского нефтезавода. Вопле возможно, что на этом недлинном пути вас обстреляют из прилегающей к дороге «зеленой» — живыми или пулеметным огнем. Такое здесь случается почти ежедневно. По обе стороны шоссе громоздятся завалы обгорелого металла — ржавые остовы грузовиков, развороченные пулями и осколками цистерны «наливников», изуродованная военная техника. Даже побитый танк стоит, уткнувшись стволор орудия в кювет. Остатки выложены брустверами вдоль дороги, по обе стороны. В какой-то мере они защищают движущийся транспорт от новых прицельных обстрелов.

Вскоре справа возникает изрытая горами, огневными позициями, укрывными и укреплениями горушка. Называют Гундиган. Это застава по имени существовавшего рядом кишлака. Кишлак разбит, жители его покинули. Пройдя между руинами глинобитных тодствых дворов, видишь прогнившие и обрушившиеся купола крыш. Сквозь проломы видны заглубленные от южной жары в землю помещения, лишенные жизни. Лишь мусор, веера хвостиков от разорвавшихся снарядов и мины, груды осколков. Некоторые куски железа впились в стены, да так и застряли в глиняной толще.

Застава — одна из многих на этой дороге — обесцвечивает проходившие колонны автомашин. На Кишлякской Гиринки, Лашкар-гах (между собой его тут запросто именуют Лашкар-вахой).

Мне рассказали, что поначалу, когда заставу два года назад поставили, обстановка была крайне северной. Доставалось не только колоннам на шоссе, но, не желая примириться с существованием на Гундигане нашего поста, били и по нему с востока до заката. Минами, реактивными снарядами.

Теперь здесь под ногами металла больше, чем камней. Если бы пришли на эту горушку школьники, собирающие лом, то одного лишь железа запросто набрали бы на «пионерский» тепловоз. Да еще вагон цветного металла — стреляных гильз.

Выстрелы вблизи и поодаль бухают и сегодня.

— Это не по нам, — машет рукой старший лейтенант Игорь Дарченко. — Сейчас гора-аздо спокойнее. Шафат, пожалуй, уже недели три не было обстрелов, а?

Игорь с командиром подразделения старшим лейтенантом Шафятом Расуловым — давние друзья. Вместе учились в Бану в военном училище, вместе попали сюда. Что ни говори, мирок заставы довольно замкнут, недолго и между друзьями возникнуть психологической напряженности тем более, что первые наметки этой проблемы? Уверюют, что проблемы нет. В Союзе, мол, люди более дружно разбираются. А здесь вся жизнь бок о бок, плечо

товарища всегда рядом, в любой момент может понадобиться. Силочность, необходимость, мелким драгмам места нет.

Шафат Расулов рассказывает: — Стараемся договориться со стариками из кишлаков, убедить людей, что лучше жить мирно, не обострять отношения. Мы ведь им зла не желаем. Мы всегда наша «дипломатия» срабатывает — ведь за то, что они по нам стреляют, минировать дорогу им готовы хорошо заплатить. Но вот с этим ближним кишлаком, к примеру, договориться удалось, хотя, по нашим данным, более половины жителей настроены не в пользу народной власти. Мы им не препятствуем ходить к воде и земельным наделам, пасти скот. Помогаем чем можем. А они не стреляют, не ставят мины, иной раз даже тайком предпринимает, если приходят «чужие» и готовят нам неприятности... Я в этот кишлак чай пить хожу.

— Может, сходим? — предлагает я. Не особенно, впрочем, рассчитывал на согласие командира. Все же кишлак, хотя и не стреляет, но и не «сочувствует». Мало ли...

— Хотите? Пошли! — невозмутимо говорит Шафат. Он откладывает в сторону автомат и берет чегки. Это такой замкнутый колычок шнурок, на который напизано трижды три желтых пластмассовых косточки. Если мушкетерини хочет, чтобы его просьба на небесах была услышана, нужно, перебирая косточки, многократно повторить амя аллаха.

— У нас другой счет, — смеется Шафат. — Января, февраль, март, апрель... Сколько месяцев осталось до замены.

По крутой тропе спускается вниз, пересекает шоссе. И вот мы в «кантине» на окраине кишлака. Так на юге Афганистана называют лавки-дуканы. Здесь хозяйничает юный дукащик Никю, ему всего 14 лет. Уже не знаю, что стало с его родителями — восемь лет войны многих юных афганцев оставили сиротами, разбросали и разжевали тысячи семей. Допытываться я не стал.

— Как идет торговля, Никю?

Парнишка знает несколько десятков русских слов, а Расулову родной азербайджанский язык помогает как то объясняться и на местном наречии.

— Торговля — хорошо! — улыбаясь, отвечает мальчик.

— Ты знаешь, что шурвал, скоро уйдет из Афганистана? Лучше тогда пойдет торговля или хуже?

Никю, поразмыслив, говорит, что когда не будет войны, для торговли дел станет лучше. И, к нашему удивлению, добавляет:

— Кончатся война — еду в Москву учиться!

Оказывается, ему пообещал это брат, который работает в Кабуле в министерстве просвещения.

Пьем чай, но он, впрочем, не слишком хорош. Хозяев можно извинить — они больше привычны в зеленом чаю, а для нас восточный привкус заваривать, зерный. Прибежали и уселись перед лавкой на коротких десятка полтора корягишек, пришли несколько мужчин — ведут с моим спутником деловые переговоры.

— Просят разрешения пасти баранов у дороги, — поясняет Шафат. — Я не против, но предупредил: ближе двадцати метров к шоссе не подходите. А то потом невесты отсюда мины появятся.

У затененной стены невозмутимо сидит старик в белой чалме. Хранит молчаливо, но маленькие глаза то и дело выглядывают остро и внимательно. Белая чалма — свидетельство того, что мусульманин совершил паломничество в Мекку.

Спрашиваю одного из мужчин, что нужно для осуществления этого заветного стремления каждого правоверного.

— Сто тысяч афгани, — переводит Шафат ответ. — Кроме того, сейчас ехать мешает война. После войны другое дело...

Возвращаемся на заставу. Меня уже поджидает земляк, наводчик БТР ядувой Дмитрий Гиатуллин. Призван Дима весной 1987 года из Маринского района, должны помнить парня и в Кемеровском СПТУ-7, где он получил профессию электромонтажника. Беседуем о службе, о жизни, Дмитрий протягивает мне тетрадный листок:

— Это стихи. Песня. Нет, не я сочинил. Рядовой Виталий Масалов. Тут про наш Гундиган, может, вам интересно будет.

«Есть точка на карте, И в книге есть точка. Увидел ее — и закончилась строчка. О точке-заставе этой рассказ, О службе афганской, О жизни, о нас. Две низкие горки, «Зеленка» вокруг...».

Есть еще припев: «Это все Гундиган...» и т. п. Песня длинная, многое в ней несовершенно, да кое-что и не будет поэзией без специальных пояснений. Тут в каждом подраблении свои поэты и композиторы. Тут в комнате модуля у боевого офицера можно увидеть на стене рядом две грамоты: за образцовое выполнение интернационального долга и за участие в конкурсе самодеятельных поэтов. Песни складывают не для публикации, а для себя, для товарищей. Песни переписывают в блокноты и на магнитофонные кассеты, и за какое-то время уже трудно установить, откуда пришла эта музыка и эти слова, кто их автор, кто исполнитель.

зательно записать песню о медиках. Есть там такие слова:

«...Не ходим мы в бой, и не лазим по скалам, Нечасто мы в руки берем автомат, Нам редко приходится слезть за дувалом, Наш пост боевой — полевой медсанбат.

У нас свои бои, свои сраженья, Ночам бессонным не ведем мы счет. И нам знакомо чувство упоения, Когда в бою за жизнь врача удача ждет...».

Кстати, самому капитану Павлеву не раз приходилось и в бой ходить, и по скалам лазить. Я уже рассказывал, как десантники брали перевал Сатиканда. Врач шел вместе со всеми, и полка у него на плечах была не меньше, чем у десантников.

Но идея песни понятна. Главные сражения врача — не на скалах, а на операционном столе.

Приехав в Кабульский центральный госпиталь, я принял записывать майора медицинской службы Виктора Павловича Хомутова. Познакомились мы еще в пути из Ташкента — майор-ленинградец возвращался из отпуска. В госпитале он работает ведущим травматологом.

— Виктор Павлович в операционной, — сказали мне.

— Оперирует, — повторил через час. — Да вот же он выходит на несколько минут. Что ж вы не дождались?

Я-то рассчитывал на разговор, который в несколько минут не уложится. Но понял, что, пожалуй, на большее рассчитывать не приходится.

Наконец, Хомутов появился. Усталый, но веселый. В какой-то просторной безурочной хирургической рубашке зеленоватого оттенка. Подтолкнул меня в свой кабинет пить кофе.

— Отличный парень, летчик, — пояснил мне. — Разбил осколком плечо и ключицу. Я его сейчас «починял». Не знаю пока, сможет ли летать, но рука двигаться будет. С летчиками, вертолечниками — вообще страшно. К примеру, перед Новым годом выискивали одного парня — был ранен из гранатомета прямо в возду-

хе. Мы его, конечно, привели в порядок, даже летать будет...

Виктор Павлович достает из ящика стола пачку писем. На конвертах: «Майору Хомутову В. П.».

— Это пишут ребята, которых я оперировал, лечил. Вот что тревожит: многие жалуются, что в Союзе к ним и их ранениям отношения вовсе не то, которого ожидали. Формально льготы есть, но их у чиновников не допросишься. Помните, как писали уже в одной из газет: «Я, мол, вас в Афганистан не посылал...». Беда в том, что долгое время в Союзе не публиковали правдивой информации о том, что здесь происходит. Люди, в том числе и чиновники, лишь очень приблизительно знают о крови, тяготах. Какой резонанс эти вести из Союза вызывают здесь? А вот какой: некоторые наши раненые, особенно ампутированные, просто-таки боятся возвращаться домой. Да, да, под всеми предложениями стараться отлучить выпущку. Иные даже убегали, притаились перед самой отправкой — машина ждет, а мы их ищем... И горько, и обидно.

Наверное, со временем все вопросы будут получены ответы, уже пришло это пора, но убежден, что при любых вариантах ответное общество наше, а значит, каждый из нас, несет огромную ответственность перед теми, кто в двадцать лет не по своей воле стал ветераном войны. Перед теми, кого война исковеркала, сделала инвалидами. Перед матерями... Конечно, у чиновников-бюрократов невниманье идет не от осознания позиции, а от недомыслия, бездушия, привычного стиля работы, когда за бумажками человека не видать. Не наш ли долг таких чиновников поправить? Быть может, тогда бывшим воинам интернационалистам не придется копить обиды.

Я листал письма, всматривался в фотографии, которые майору прислали с фронта. Заглянула женщина в белом халате — может, медсестра, а может, врач; мол, все готово, в операционной ждут. Хомутов быстро допил кофе, извинился и ушел к операционному столу. Конвейер жесткий.

...Костю Чернова я разыскал в палате госпиталя. Крупный, сильный, рыжево-

лосый парень. В разряд ходячий он пока не попал, с кобле не поднимается. Две недели назад Костя лишился ноги. На заставе Гундиган — впервые я о ней услышал именно в госпитале от Чернова — мне позже показали место, где сапера подстергала мина.

Вот что рассказывает он сам:

— Саперов на заставе двое. Каждое утро выходили «цундуть» трехкилометровый участок дороги. Много ли мин? О, почти каждый день находили, да не по одной! Обезвреживали и урываемые «ерсысы» — реактивные снаряды. Их устанавливали у дороги, сбoku, а проваод идут далеко в «зеленку». Проходит по дороге «броня» — снаряд бьет по ней.

В то утро по Косте начал стрелять снайпер. Сапер для поджогов — фигура крайне неприятная; впервые, мина денег слонит в вторых, если на мине подорвется БТР или танк, то хорошо платят. Вот и охотился на наших саперов. Костя вынужден был сползти с дороги, решил укрыться от пуля за цистерной пробитого бензовоза. Тут-то и ждала его мина. Специально не ставили, в расчете на то, чтобы загнать туда сапера. Подловил, словом.

— Сразу и не сообразил, что ногу оторвало. Потом смотрю: лежит, в россоске... Подобрал... Ну куда еет! Крикнул санструктору Юру, он прибежал... Я подорвался, а тот, кто мину ставил, лейтенант получил. За сапера платят больше, чем за обычного солдата...

В первой части этих заметок я написал, что, пожалуй, за девять дней поездки по Афганистану увидел больше, чем иной солдат за два года службы. Представлю, как усмехнулись ребята-афганцы: эки, мол, самонадеянный корреспондент! И действительно, ведь в понимании войны мера нужна не количественная, а качественная, разбитый кишлак, отрезок дороги — что еще видят те, кто служит на Гундигане? Но исколесил я за отведенные дни хоть весь Афганистан, не сумел поить войну так, как эти солдаты.

Мать Константина живет сейчас в Томской области, а отец — в Маринске. Есть брат, служит здесь же, на афганской земле, в Джалалябаде. В Томске, где Костя учился в профтехучилище «на повара», живет девушка Юля. Пока служил

на Гундигане, получал от нее письма почти ежедневно. — А здесь? — Он молчит, а потом объясняет: — Я ведь отсюда еще никому не писал. Ни матери, ни отцу, ни ей. Она, наверное, по прежнему адресу пишет. Ребята потом перешлют...

Выясняется, что очень многие из тех, кто в госпитале, домой об этом не сообщают. Сосед по койке, рядовой Андрей Глухов (родом он из Целиноградской области), тоже таит от родных что месяц назад получил тяжелое ранение. Беспечность дома из-за отсутствия писем? Но могу же, в конце концов, быть в «командировке»!

Андрей, которому осколком мины перебила руку и ногу, основательно «починен» врачами. Вероятно, он сможет войти в родной дом на своих ногах. У Кости Чернова такой перспективы нет. Мы долго с ним говорили, и я пытался понять, что же кроется за его «командировкой»? Стремление сберечь родных и боязнь поставить девушку перед выбором? Собственный страх? Да, для парня, который не боялся ползти под обстрелом по заминированной дороге, страшно взять ручку и написать: «Мама, я остался без ноги». Это как окончательный приговор. И говорю ему: «Как же мне писать в газете, что встретился с тобой в госпитале, если ты сам это скрываешь?». Он долго думает и потом произносит полупрозрачно: «А может, даже лучше, если они узнают из газет?..».

Он лежит и время от времени чувствует, как болит нога. Та, которой нет. Он лежит и думает о своей недлинной жизни. О том, как строить эту жизнь дальше. О том, каким будет возвращение домой. Каким же оно будет? Полагаю, это зависит и от нас.

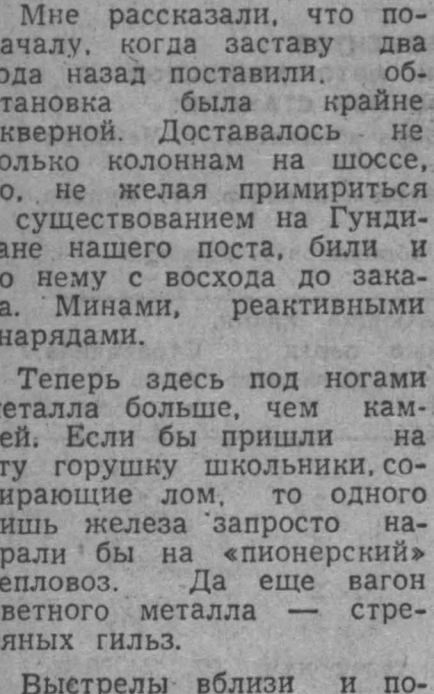
А. СОРОКИН, В. ГРЫЗЫХИН (фото) — спец. корр. «Кузбасса».

НА СНИМКАХ: боец Евгений Кирпичев из Белова; пес Вася — друг раненых; в одной из перестрелок...

Мать Константина живет сейчас в Томской области, а отец — в Маринске. Есть брат, служит здесь же, на афганской земле, в Джалалябаде. В Томске, где Костя учился в профтехучилище «на повара», живет девушка Юля. Пока служил

У них — свои бои

Я ТАСКАЛ за собой по Афганистану взятый в редакции довольно неудобный кассетный магнитофон. И не зря: осталось на кассетах немало бесед, песен. Начальник медицинской службы одной из гвардейских десантных частей капитан Павел убедил меня обяза-

тально записать песню о медиках. Есть там такие слова:

«...Не ходим мы в бой, и не лазим по скалам, Нечасто мы в руки берем автомат, Нам редко приходится слезть за дувалом, Наш пост боевой — полевой медсанбат.

У нас свои бои, свои сраженья, Ночам бессонным не ведем мы счет. И нам знакомо чувство упоения, Когда в бою за жизнь врача удача ждет...».

Кстати, самому капитану Павлеву не раз приходилось и в бой ходить, и по скалам лазить. Я уже рассказывал, как десантники брали перевал Сатиканда. Врач шел вместе со всеми, и полка у него на плечах была не меньше, чем у десантников.

Но идея песни понятна. Главные сражения врача — не на скалах, а на операционном столе.

Приехав в Кабульский центральный госпиталь, я принял записывать майора медицинской службы Виктора Павловича Хомутова. Познакомились мы еще в пути из Ташкента — майор-ленинградец возвращался из отпуска. В госпитале он работает ведущим травматологом.

— Виктор Павлович в операционной, — сказали мне.

— Оперирует, — повторил через час. — Да вот же он выходит на несколько минут. Что ж вы не дождались?

Я-то рассчитывал на разговор, который в несколько минут не уложится. Но понял, что, пожалуй, на большее рассчитывать не приходится.

Наконец, Хомутов появился. Усталый, но веселый. В какой-то просторной безурочной хирургической рубашке зеленоватого оттенка. Подтолкнул меня в свой кабинет пить кофе.

— Отличный парень, летчик, — пояснил мне. — Разбил осколком плечо и ключицу. Я его сейчас «починял». Не знаю пока, сможет ли летать, но рука двигаться будет. С летчиками, вертолечниками — вообще страшно. К примеру, перед Новым годом выискивали одного парня — был ранен из гранатомета прямо в возду-

лосый парень. В разряд ходячий он пока не попал, с кобле не поднимается. Две недели назад Костя лишился ноги. На заставе Гундиган — впервые я о ней услышал именно в госпитале от Чернова — мне позже показали место, где сапера подстергала мина.

Вот что рассказывает он сам:

— Саперов на заставе двое. Каждое утро выходили «цундуть» трехкилометровый участок дороги. Много ли мин? О, почти каждый день находили, да не по одной! Обезвреживали и урываемые «ерсысы» — реактивные снаряды. Их устанавливали у дороги, сбoku, а проваод идут далеко в «зеленку». Проходит по дороге «броня» — снаряд бьет по ней.

В то утро по Косте начал стрелять снайпер. Сапер для поджогов — фигура крайне неприятная; впервые, мина денег слонит в вторых, если на мине подорвется БТР или танк, то хорошо платят. Вот и охотился на наших саперов. Костя вынужден был сползти с дороги, решил укрыться от пуля за цистерной пробитого бензовоза. Тут-то и ждала его мина. Специально не ставили, в расчете на то, чтобы загнать туда сапера. Подловил, словом.

— Сразу и не сообразил, что ногу оторвало. Потом смотрю: лежит, в россоске... Подобрал... Ну куда еет! Крикнул санструктору Юру, он прибежал... Я подорвался, а тот, кто мину ставил, лейтенант получил. За сапера платят больше, чем за обычного солдата...

В первой части этих заметок я написал, что, пожалуй, за девять дней поездки по Афганистану увидел больше, чем иной солдат за два года службы. Представлю, как усмехнулись ребята-афганцы: эки, мол, самонадеянный корреспондент! И действительно, ведь в понимании войны мера нужна не количественная, а качественная, разбитый кишлак, отрезок дороги — что еще видят те, кто служит на Гундигане? Но исколесил я за отведенные дни хоть весь Афганистан, не сумел поить войну так, как эти солдаты.

Мать Константина живет сейчас в Томской области, а отец — в Маринске. Есть брат, служит здесь же, на афганской земле, в Джалалябаде. В Томске, где Костя учился в профтехучилище «на повара», живет девушка Юля. Пока служил

на Гундигане, получал от нее письма почти ежедневно. — А здесь? — Он молчит, а потом объясняет: — Я ведь отсюда еще никому не писал. Ни матери, ни отцу, ни ей. Она, наверное, по прежнему адресу пишет. Ребята потом перешлют...

Выясняется, что очень многие из тех, кто в госпитале, домой об этом не сообщают. Сосед по койке, рядовой Андрей Глухов (родом он из Целиноградской области), тоже таит от родных что месяц назад получил тяжелое ранение. Беспечность дома из-за отсутствия писем? Но могу же, в конце концов, быть в «командировке»!

Андрей, которому осколком мины перебила руку и ногу, основательно «починен» врачами. Вероятно, он сможет войти в родной дом на своих ногах. У Кости Чернова такой перспективы нет. Мы долго с ним говорили, и я пытался понять, что же кроется за его «командировкой»? Стремление сберечь родных и боязнь поставить девушку перед выбором? Собственный страх? Да, для парня, который не боялся ползти под обстрелом по заминированной дороге, страшно взять ручку и написать: «Мама, я остался без ноги». Это как окончательный приговор. И говорю ему: «Как же мне писать в газете, что встретился с тобой в госпитале, если ты сам это скрываешь?». Он долго думает и потом произносит полупрозрачно: «А может, даже лучше, если они узнают из газет?..».

Он лежит и время от времени чувствует, как болит нога. Та, которой нет. Он лежит и думает о своей недлинной жизни. О том, как строить эту жизнь дальше. О том, каким будет возвращение домой. Каким же оно будет? Полагаю, это зависит и от нас.

А. СОРОКИН, В. ГРЫЗЫХИН (фото) — спец. корр. «Кузбасса».

НА СНИМКАХ: боец Евгений Кирпичев из Белова; пес Вася — друг раненых; в одной из перестрелок...

Мать Константина живет сейчас в Томской области, а отец — в Маринске. Есть брат, служит здесь же, на афганской земле, в Джалалябаде. В Томске, где Костя учился в профтехучилище «на повара», живет девушка Юля. Пока служил

на Гундигане, получал от нее письма почти ежедневно. — А здесь? — Он молчит, а потом объясняет: — Я ведь отсюда еще никому не писал. Ни матери, ни отцу, ни ей. Она, наверное, по прежнему адресу пишет. Ребята потом перешлют...

Выясняется, что очень многие из тех, кто в госпитале, домой об этом не сообщают. Сосед по койке, рядовой Андрей Глухов (родом он из Целиноградской области), тоже таит от родных что месяц назад получил тяжелое ранение. Беспечность дома из-за отсутствия писем? Но могу же, в конце концов, быть в «командировке»!

Андрей, которому осколком мины перебила руку и ногу, основательно «починен» врачами. Вероятно, он сможет войти в родной дом на своих ногах. У Кости Чернова такой перспективы нет. Мы долго с ним говорили, и я пытался понять, что же кроется за его «командировкой»? Стремление сберечь родных и боязнь поставить девушку перед выбором? Собственный страх? Да, для парня, который не боялся ползти под обстрелом по заминированной дороге, страшно взять ручку и написать: «Мама, я остался без ноги». Это как окончательный приговор. И говорю ему: «Как же мне писать в газете, что встретился с тобой в госпитале, если ты сам это скрываешь?». Он долго думает и потом произносит полупрозрачно: «А может, даже лучше, если они узнают из газет?..».

Он лежит и время от времени чувствует, как болит нога. Та, которой нет. Он лежит и думает о своей недлинной жизни. О том, как строить эту жизнь дальше. О том, каким будет возвращение домой. Каким же оно будет? Полагаю, это зависит и от нас.

Окончание. Начало в номерах за 22 и 24 мая.

Телефоны наших сотрудников:

П. Бугаев — 52-52-66, А. Семенов — 52-33-59, Ю. Дьяконов — 52-22-03, В. Шашватов — 52-23-29, А. Морозов — 52-28-66, Т. Ганичева — 52-55-47.

Т. Шатская — 52-62-33, Т. Золотухина — 52-53-23, В. Калачихин — 52-35-66, В. Попков — 52-37-33, И. Ляхов — 52-54-23, В. Моисеев — 52-47-45, Т. Малышкина — 52-05-22.

Е. Багаев — 52-38-23, Д. Шаргаметов — 52-66-22, А. Сорокин — 52-64-68, В. Пирожников — 52-63-22, В. Кузнецов — 52-51-23, Н. Кузнецов — 52-49-78, Е. Саленко — 52-42-01.

М. Лобанова — 52-50-45, А. Косвинцев — 52-46-22, И. Золина — 52-65-47, Т. Зильбер — 52-07-45, Б. Сильянский — 52-06-01, О. Курочкина — 52-48-65, В. Антонов — 52-59-65.

Ю. Сергеев, В. Грызыхин, А. Блотинский — 52-14-12. Собственные корреспонденты: в Прокопьевске — Г. Колесников — 3-30-35; в Белове — В. Савельев — 2-22-36;

в п. Яшкинский — О. Навасава — 2-16-52. в Ленинске-Кузнецком — Е. Носырева — 2-58-24; в Маринске — В. Кармапов — 2-31-20.

ТВ Р

25 мая

I ПРОГРАММА

8.30 «120 минут ЦТ»

8.35 «Я ты и все мы вместе»

9.20 «Печники». Художественный телефильм.

10.40 Новости.

10.50—11.50 Очевидное — невероятное.

Перерыва до 15.25.

15.25 Новости.

15.35 Говорит депутат Верховного Совета СССР.

15.45 «Нет легкого пути к свободе». Документальный телефильм.

16.40 Музыкальная сокровищница П. И. Чайковский. «До шестнадцати и старше».

17.30 «...до шестнадцати и старше».

18.15 Навстречу XIX Всесоюзной партконференции. Вопросы теории.

18.45 Сегодня в мире.

19.05 Мультифильм.

19.45 На экране киномеда. «За двумя зайцами». Художественный фильм.

21.00 Время.

Говорит депутат Верховного Совета СССР.

21.45 «Диалог о мире».

22.45 «Сегодня в мире».

22.55—23.15 В. Астафьев. «Затесис». Читает автор.

II ПРОГРАММА

Перерыва ЦТ.

8.00 Утренняя гимнастика.

8.15 «Непокорный мой». Кинофильм. Режиссер: Кирилл Боровицкий. Популярный фильм.

8.35 9.35 Музыка И. О. Дунаевского.

9.05 Немецкий язык. 1-й год обучения.

10.05 Учимся читать. Этика и психология семейной жизни. Нравственные основы семьи.

11.35 Музыка. 6-й класс С. С. Прокофьев. Балет «Золушка».

11.05 Немецкий язык. 2-й год обучения.

12.05 «Светлый путь». Художественный фильм.

13.40 «С любовью и надеждой». Документальный фильм.

14.20 Новости.

14.30—15.45 «Белый шаман». Художественный телефильм. 2-й выпуск.

Перерыва до 18.10 КЕМЕРОВО

18.10 «Товарищ офицер». Документальный телефильм.

18.40 «Все мыши любят сыр». Стендап в Кемеровской области. Телевизионная драма им. А. В. Луначарского.

19.40 Русские народные песни поет В. Мингалев.

Перерыва ЦТ.

20.00 Спознай себя, малыш! КЕМЕРОВО

20.15 «Свадьба в Мартинской долине». Документальный телефильм.

20.30 Кузбасс День за днем.

Перерыва ЦТ.

21.00 Время.

21.35 Говорит депутат Верховного Совета СССР.

21.45 «...иногда взгляд». Художественный фильм.

23.05—23.40 «Встань, соборник». Повесть о революционном телефильме.

III ПРОГРАММА

18.05 Новости.

18.15 Студентка Анна Голубкина.

19.15 Пауэртайп международно-го конкурса им. П. И. Чайковского. Заслуженный артист РСФСР О. Каган (скрипка).

20.00 Спознай себя, малыш! 20.15 Для всех и для каждого. 20.45 «Если хочешь быть здоровым». Передача 2-й.

21.00—21.35 Время

26 мая

6.40 Программа передач. Погода. 6.43 Новости Кузбасса. Музыка. 6.58 Погода. 7.30 «Почта с вами». В выпуске: Навстречу XIX Всесоюзной партийной конференции «Плечи друзей». «По-прежнему» термометр показывает: Радистов, кличка. 7.58 8.25 Погода. 8.27 Обзор областных газет. 8.35 Объявления. 8.45 Е. Свободный. «Летний день осенней выставки». 18.35 Новости Кузбасса. Погода. Программа передаст на 27 мая. 19.15 «Свободный». Поэт С. Ротару. 20.44 Народные мелодии.

отзовитесь!

Совет ветеранов 500-го ордена Красной Звезды стрелкового полка 386-й Хинганской стрелковой дивизии просит однопольных откликнуться и написать по адресу: 676400, Амурская область, Свободный, пер. Маяский д. 75 Гальцеву Анатолию Андреевичу.

Разыскивается своего однопольного Некрасова Ивана Петровича, 1924 года рождения, на фронт призывавшегося в августе 1942 г. из города Сталинска (ныне Новокузнецкого) и воевавшего в составе 310-го гвардейского Ефрейторского Краснознаменного мотометного полка. Мой адрес: 393110, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Стрельчанская д. 21. Сербрякову Николаю Васильевичу.

погода

Гидрометбюро сообщает, 25 мая днем по области будет переменная облачность, местами небольшой дождь. Ветер северо-западный 9—14, местами до 20 метров в секунду. Температура 8—13 градусов тепла. Давление будет расти, влажность не изменится.

Редактор А. В. ТРУТНЕВ.

НАШ АДРЕС:

650630, ГСП, г. Кемерово, проспект Октябрьский, 28.

ТЕЛЕФОНЫ:

для справок — 52-32-74
справки по письмам — 52-03-22.

Адрес издательства «Кузбасс»: 650830, ГСП, г. Кемерово, проспект Октябрьский, 28. Тел. 52-78-88.

Газета выходит 300 раз в году.

Тираж 260 тыс. экз. Объем 2 п. л.

ИНДЕКС 51901

ОП 02544. Заказ № 121. 1 2 3 4 5 6